

К. П. Обозный*

Богословские курсы в Вильно в 1942–1944 годах

К концу 1930-х гг. в Советском Союзе не осталось ни одного православного духовного учебного заведения. После присоединения к СССР летом 1940 г. прибалтийских государств находившиеся на их территории духовные училища, семинарии, богословские факультеты университетов были упразднены. Восстановление православного образования в Прибалтике стало отчасти возможным во время немецкой оккупации края (лето 1941 г.—1944 г.). После успеха, достигнутого в переговорах с немецкими властями в июле—августе 1941 г. относительно учреждения «Православной миссии в освобожденных областях России»¹, экзарх Прибалтики митрополит Виленский и Литовский Сергей (Воскресенский) приступил к устройству духовной школы в одной из подведомственных ему епархий Прибалтики. В Экзаршем управлении рассматривалось несколько вариантов места расположения учебного заведения для подготовки священнослужителей-миссионеров: в Риге, в Печорах и в Вильно, поскольку в этих городах раньше находились духовные семинарии.

В сентябре 1941 г. в Риге была образована комиссия по созданию православного духовного учебного заведения. В ее работе приняли участие митрополит Сергей, протоиереи Иоанн Янсон и Николай Перехвальский, профессор И. Д. Гримм, Д. Я. Рудзит, Д. П. Тихомиров, В. А. Янсон. На заседаниях комиссии обсуждались материальное обеспечение предполагаемой духовной школы, учебная программа, состав преподавателей, правила приема учащихся и многое другое. Было решено создать учебное заведение «по типу высшей духовной школы» — Рижский православный богословский институт с 4 кафедрами: Священного Писания, церковной истории, систематического богословия, практического богословия².

* © Обозный К. П., 2008

Константин Петрович Обозный, кандидат исторических наук, бакалавр богословия (Псков).

Оккупационные власти не разрешили открыть богословский институт. В конце 1941 — начале 1942 г. в немецкой церковной политике в Прибалтике возобладала жесткая позиция. Немецким властям не нравилось слишком активное поведение экзарха. Рейхскомиссар Х. Лозе отправил митрополиту Сергию предписание к 5 марта 1942 г. покинуть Ригу и отправиться в Вильно, где находилась экзаршая кафедра. Под угрозой оказалось само существование Прибалтийского экзархата. Восточное министерство во главе с А. Розенбергом стремилось полностью устранить православие из Прибалтийского региона как фактор чуждого русского влияния. Однако под давлением командования вермахта и руководства рейхскомиссариата «Остланд» реализация этих замыслов была отложена до окончания войны. Находясь в Литве, митрополит Сергей «продолжал негласно возглавлять православную церковную жизнь во всей Прибалтике»³.

5 марта 1942 г. митрополит Сергей с иподьяконом Г. Радецким⁴ и Г. Ильинским уехали в Литву. Митрополит остановился ненадолго в Ковно. По словам Радецкого, «приезд Сергия в город Ковно был связан с его желанием открыть богословские курсы в городе Вильно или в городе Печоры при Печорском монастыре»⁵. Радецкий узнал о планах митрополита, в частности, из письма последнего генерал-комиссару Литвы Рентелну (экзарх поручил своим спутникам перевести это послание на немецкий язык). В письме экзарх указывал на то, что «священников мало, нужны кадры и вновь открытые семинарии для обучения священников», и просил у немецкого чиновника содействия в этом непростом деле. Весной 1942 г. митрополит Сергей периодически ездил из Вильно в Ковно, в то же время поддерживая через курьеров связь с управлением экзархата в Риге. По свидетельству священника Николая Жунды, секретаря управления Псковской миссии, «переговоры с немецким командованием или, вернее, с руководителями политических отделов при генеральных комиссарах Латвии и Литвы об открытии курсов в городе Вильно начались в начале 1942 г., и лишь в конце мая 1942 г. стало известно, что курсы разрешено открыть»⁶. В июне 1942 г. митрополиту Сергию было позволено вернуться в Ригу⁷.

Сразу же после получения разрешения властей на открытие курсов экзарх прислал в канцелярию Псковской миссии «циркулярное сообщение для оповещения подведомственного миссии духовенства»⁸. Циркуляр был опубликован в № 2/3 журнала «Православный христианин» за 1942 г.: «В г. Вильно (Литва) открываются православные Богословские курсы для подготовки кандидатов на священно-церковнослужительские места... Курс обучения двухгодичный. Слушателями курсов могут быть лица не моложе 17 лет. Окончившие средние учебные заведения принимаются без испытания, а окончившие не менее 6 классов средних учебных заведений (или основную школу) — с испытанием по общеобразовательным предметам. К прошению о принятии на курсы, кроме свидетельства о рождении, и крещении, и об образовании, необходимо приложить отзыв духовного отца, или благочинного, или приходской общины. Прошение следует направлять в управление миссии (Псков, Кремль)». Циркуляр такого же содержания, составленный в Рижском епар-

хиальном управлении, 18 мая 1942 г. был направлен благочинным Латвийской епархии (№ 574; в данном циркуляре указывалось, что «прошение следует направлять на имя Высокопреосвященнейшего митрополита Сергия по адресу: Wilna, Ausros Warty, 10, Eminenz Metropolit Sergius»)⁹. В октябре 1942 г. в Псков пришло предписание начать сбор средств на содержание Богословских курсов. Члены управления миссии священники Иоанн Легкий и Николай Жунда составили и разослали по псковским благочиниям специальный циркуляр¹⁰.

Первые прошения о приеме на Богословские курсы начали поступать в управление Псковской миссии уже в июле 1942 г. Всего сюда поступило около 30 заявлений. В канцелярии проводилась проверка прошений и наличия отзыва приходского священника или благочинного. Если имелся положительный отзыв, то прошение пересылалось в Ригу в управление экзархата, причем «к отзыву священника присоединяли уже и отзыв управления миссии о священнике, давшем отзыв кандидату»¹¹. Начальник канцелярии экзархата И. Д. Гримм готовил «на немецком и русском языках вызовы зачисленным и проверенным кандидатам», на основании которых местные комендантуры выдавали абитуриентам пропуска, позволяющие пересечь границу рейхскомиссариата «Остланд» и прибыть в Вильно, эти пропуска также освобождали от принудительных работ¹².

В Государственном архиве Псковской области хранится дело, целиком составленное из прошений о зачислении на Богословские курсы, поступивших в Псковскую миссию в 1942–1943 гг. Среди тех, кто желал поступить на курсы, были дети священников (С. Шенрок, М. Пузанов, А. Городецкий и др.), церковных старост, регентов, членов двадцаток. В числе абитуриентов были люди с высшим образованием, например, преподаватель Ленинградского государственного университета Г. Д. Селиванов, имевший ученую степень, и дети крестьян. Г. Радецкому, служившему переводчиком в управлении Псковской миссии, было отказано в приеме на курсы в связи с тем что «ему еще не отыскан преемник»¹³; Радецкий был зачислен на учебу при втором наборе — на 1943/44 учебный год. Среди воспитанников Богословских курсов был и военнопленный красноармеец Кислицын, зачисленный по рекомендации протоиерея Николая Быстрякова, благочинного Гатчинского и Сиверского округов¹⁴. Утверждал списки лиц, принятых на курсы, митрополит Сергий. Согласно распоряжению экзарха, с мая—июня 1943 г. подбором кандидатов на Богословские курсы наряду с благочинными на местах стал заниматься «стол по распространению христианской культуры среди молодежи» Псковской миссии¹⁵.

Занятия на курсах начались 20 декабря 1942 г., в марте 1943 г. из управления Псковской миссии на курсы в Вильно были присланы еще 2 человека. Всего в марте 1943 г. число учащихся составило 38 человек, из них 11 из Псковской области¹⁶; большинство учащихся (32 человека) жили в интернате¹⁷. Большинство студентов второго набора, осени 1943 г., были выходцами из северо-западных районов России, подведомственных Псковской миссии: из Пскова, Гдова, Порхова, Любани, Гатчины, Дновского и Дедовического районов.

Благодаря письмам и воспоминаниям воспитанников курсов можно составить представление о жизни духовной школы. Курсы располагались в виленском Свято-Духовом монастыре, там же находился интернат для студентов. Преподаватели в большинстве своем были из Вильно, многие из них в свое время окончили богословский факультет Варшавского университета: протоиереи Иосиф Дзичковский и Л. Савицкий, А. Я. Яблонский¹⁸, священник Михаил Кузменко (инспектора)¹⁹. Ректором был назначен профессор протопресвитер Василий Виноградов²⁰, с марта 1944 г. эту должность занимал протоиерей И. Дзичковский²¹. В ноябре 1943 г. лекции по сектоведению и православной миссии на курсах читал начальник управления Псковской миссии протопресвитер Кирилл Зайц²².

Распорядок жизни учащихся был довольно строгим. Они не могли покидать монастырь без особого разрешения, «увольнения» для прогулки по городу допускались только в воскресные дни после литургии. Обычно учебный день начинался в 7 часов утра. После умывания шли на общую утреннюю молитву в храм. В конце молитвы ректор читал главу из Евангелия или Апостола и произносил проповедь на тему прочитанного. По воспоминаниям протоиерея Серафима Шенрока, выпускника виленских Богословских курсов, именно ежедневные проповеди ректора оказывали определяющее влияние на духовное формирование будущих священников: «Если у меня и есть что-нибудь хорошего, то это благодаря вот этим беседам, рассказам после чтения Евангелия и после утренней молитвы»²³. Из храма воспитанники отправлялись на занятия. В 2 часа дня был обед, с 3 до 5 часов — свободное время, затем продолжались лекции и семинары. Вечер заканчивался общей молитвой в храме²⁴. Ректор курсов протоиерей Василий Виноградов и инспектор священник Михаил Кузменко помимо лекций проводили с семинаристами беседы во внеурочное время. Такое общение имело не столько образовательное, сколько воспитательное значение. По словам о. Михаила, за полтора года работы Богословских курсов из «разношерстной» советской молодежи удалось подготовить достойных выпускников²⁵.

Летние каникулы не предусматривались, так как обучение началось только в декабре, 24 мая 1943 г. «начался второй семестр для выдержавших испытание за 1 курс». Обучение должно было быть закреплено на практике. По распоряжению митрополита Сергия слушатели курсов с 1 августа по 1 сентября 1943 г. должны были проходить богослужебную практику на приходах «по возможности с ежедневным богослужением или многочисленными требами, дабы прикомандированные курсанты действительно прошли практически под руководством священника церковно-богослужебный порядок». Как правило, учащиеся направлялись на практику в те епархии, откуда они прибыли, по возвращении студенты должны были предоставить отзыв «местного священника об успехах в исполнении обязанностей псаломщика»²⁶.

Постоянную заботу о воспитанниках курсов проявлял митрополит Сергий, часто посещавший духовную школу, беседовавший со студентами, присутствовавший на экзаменах. Во время архиерейских богослужений, совершавшихся экзархом в Свято-Духовом монастыре, некоторые воспитанники

участвовали в богослужении в качестве иподиаконов и псаломщиков. Свою последнюю в жизни литургию митрополит Сергей совершил 27 апреля 1944 г. в Свято-Духовом монастыре в сослужении множества духовенства, в том числе воспитанников Богословских курсов²⁷.

Курсы содержались на средства, отчислявшиеся Псковской миссией, Латвийской и Литовской епархиями. Митрополит Сергей издал по этому поводу специальный указ за №140–8 от 10 ноября 1942 г., в котором предлагалось к исполнению следующее: «Подтверждаю данное мною... устное распоряжение и, основываясь на постановлении архиерейского совещания от 4 ноября с. г. о ежемесячном взносе из средств Латвийской епархии на содержание Богословских курсов в Вильно 1000 [рейхсмарок], предписываю внести в мою личную канцелярию для указанной цели за сентябрь и октябрь месяцы 1942 г. 2000 [рейхсмарок] и впредь вносить ежемесячно 1000 [рейхсмарок]»²⁸. По решению, принятому на совещании благочинных Латвийской епархии 11 ноября 1942 г., предлагалось «произвести по церквам тарелочный сбор на нужды виленских Богословских курсов и собранные суммы препроводить о. благочинному для дальнейшей передачи по принадлежности»²⁹. От сборов по приходам Псковской миссии «ежемесячно на содержание курсов поступало 15 000 рублей, а с ноября 1943 г. и все подведомственное миссии духовенство... ежемесячно вносило на содержание курсов: священники по 500 рублей, а псаломщики по 300 рублей»³⁰.

Ежемесячные расходы на содержание курсов в 1943 г. составили 7095 марок. Сюда входили затраты на питание (завтраки и ужины в монастырской трапезной, обед в общественной столовой), затраты на индивидуальную покупку по карточкам, на прачечную и на бани, на электричество, на топливо для 8 печей, на письменные принадлежности, на жалованье преподавателей и персонала. Судя по заработной плате преподавателей (около 390 марок), можно установить педагогическую нагрузку — от 110 до 130 уроков в месяц (оплата за урок колебалась от 3 до 5 марок)³¹.

По воспоминаниям учащихся, жизнь их была устроена неплохо для военного времени. Все воспитанники были обеспечены хлебными карточками, не имеющие средств (таких было большинство) жили в интернате, питались и обучались бесплатно³². Однако сказывались условия военного времени. По воспоминаниям бывших учащихся курсов, «жили по сути дела впроголодь. Но, правда, голода особенно не ощущали, и по поводу питания никакого возмущения не было». На великие христианские праздники воспитанникам выдавалось сливочное масло (10–15 кг делили поровну на всех) и сахар (по 300 г), а на обед небольшой кусочек мяса»³³.

В рапорте за № 531–7 от 19 мая 1943 г. на имя Рижского епископа Иоанна (Гарклавса)³⁴, составленном начальником канцелярии Прибалтийского экзархата профессором И. Д. Гриммом по результатам инспекционной поездки митрополита Сергея в Вильно, описаны трудности, с которыми сталкивались учащиеся и администрация курсов: «Воспитание и образование студентов богословских курсов (их сейчас 33 человека) идет вполне успешно, но устроенный в монастыре интернат, в котором почти все они живут,

заставляет желать многого. Кормят их хорошо, они здоровы, настроение у них бодрое, приподнятое, во всем наблюдается порядок и чистота, отопление также налажено, но в интернате очень тесно... и, к сожалению, не хватает многих необходимых вещей. В интернате нет постельного белья, одеял, подушек, не хватает даже сеников [набитых сеном матрасов.— *К. О.*], так что некоторые студенты спят на голых досках. Эти недочеты, несмотря на все старания, доньше не удалось устранить. Каждый имеет только те вещи, которые сам привез. Студенты из Прибалтики имели возможность взять с собой все нужное, но студенты из освобожденных русских областей — а они составляют значительное большинство — лишь в редких случаях имели при себе потребные вещи. У многих, кто приехал из этих областей, нет одеял и подушек, их белье и одежда за небольшими исключениями в самом плачевном состоянии... Деньгами тут помочь нельзя, потому что вещей этих нет в продаже. Но, может быть, найдутся добрые люди, которые пожелают помочь нашим студентам и поспособствовать оборудованию интерната необходимыми предметами... На курсах отмечается большая нужда в учебных и иных книгах богословского содержания. Может быть, у кого-нибудь найдутся лишние издания, которые он захотел бы пожертвовать в библиотеку курсов... Не найдете ли Вы, Ваше Пресвященство, возможным в той или иной форме довести об этих нуждах нашей школы до сведения верующих и тем поспособствовать улучшению быта ее студентов»³⁵. 7 июня 1943 г. всем благочинным Латвийской епархии был разослан циркуляр за подписью члена Рижского епархиального управления протоиерея Николая Македонского. В нем предлагалось благочинным оповестить приходы своего благочиния о затруднениях в материальном обеспечении Богословских курсов, главным образом, для того чтобы при поддержке жертвователей собрать необходимые вещи. Также предлагалось объявить о сборе учебников, книг богословского содержания и богослужебных изданий, в первую очередь Служебников, «по которым слушателям преподается все богослужение»³⁶.

Накануне второго набора учащихся, 13 августа 1943 г., протопресвитер Василий Виноградов обратился к экзарху Сергию с докладом о проблемах, связанных с обеспеченностью учебной и богослужебной литературой: «Для старшего курса в осеннем (и для них последнем) семестре необходимо получить во что бы то ни стало сколько-нибудь достаточное количество Служебников, Требников, иерейских Молитвословов, полных славянских Новых Заветов (или, в крайнем случае, только Евангелий). Всех этих книг, а особенно Служебников и Требников и иерейских Молитвословов, конечно, желательно по числу учащихся старшего (оканчивающего) курса, то есть по 30 экземпляров, так как желательно, чтобы не только каждый и в каждый момент во время прохождения курсов имел под руками свой экземпляр книг (особенно двух первых — Служебника и Требника), но и чтобы каждый получил этот экземпляр при выходе из пастырской школы. В крайнем случае для учебных целей можно ограничиться таким количеством: Служебников 15, Требников 16, Молитвословов иерейских 6, славянских (или лучше славяно-русских) Новых Заветов 15 экземпляров. Нужно также иметь хотя бы

десяток полтора кратких учебников славянского языка, которых у нас сейчас только 2, но без которых преподавание славянского языка не может дать сколько-нибудь удовлетворительных результатов. Для вновь поступающих необходимо получить дополнительно к имеющемуся уже у нас наличию 25 (в крайнем случае 15) Часословов, 20 учебных Октоихов (в крайнем случае 10), 30 экземпляров русской Библии. Для обучения проповедничеству крайне необходимо отыскать где-нибудь сборник проповедей прот[оиерея] Родина Путятина. Это самые необходимые классические образцы для усвоения метода чисто пастырской проповеди в условиях нашего краткого учебного курса»³⁷. Канцелярия экзархата 10 сентября 1943 г. передала эту просьбу ректора курсов епископу Иоанну (Гарклавсу)³⁸.

Первый выпуск воспитанников намечался на 31 декабря 1943 г., затем был перенесен на январь 1944 г.³⁹ Однако выпускные экзамены начались в апреле 1944 г.⁴⁰ Некоторые студенты до окончания обучения были рукоположены: во иереи — Александр Иванов, Сергей Каргай, Иоанн Матвеев, Иоанн Кондрашов, Александр Исаев, Николай Красногородский, Владимир Парфенович, во диаконы — Владимир Дятковский, Владимир Меркульев, Павел Веселов-Суднов⁴¹. Многие из тех, кто окончил Богословские курсы, служили псаломщиками⁴². Выпускники, прибывшие в Вильно из русских областей, после получения аттестатов вернуться на родину уже не могли: с начала февраля 1944 г. немцы объявили всеобщую эвакуацию гражданского населения из Пскова, в том числе и православной миссии. Вручение аттестатов состоялось 25 апреля 1944 г. Торжественный вечер в честь первого (и единственного) выпуска Богословских курсов, насчитывавшего около 30 человек, завершился проповедью митрополита Сергия, в которой он призвал выпускников «гореть всегда духом и не жалеть своих сил в деле служения Церкви Христовой»⁴³.

Судьбы воспитанников виленских Богословских курсов сложились по-разному. Член Псковской миссии, учитель церковной школы, действовавшей в Пскове в 1941–1942 гг., Василий Миротворский был зачислен на курсы в декабре 1942 г. Весной 1944 г., незадолго до конца учебного года и получения аттестата, он погиб во время бомбардировки Вильно советской авиацией. Другой член миссии, Г. Радецкий, осенью 1943 г. поступивший на 2-й курс, в 1944 г. в освобожденной от немецких войск Латвии был арестован сотрудниками СМЕРШа и приговорен к 10 годам заключения в лагере. Примечательна судьба еще одного выпускника курсов — Михаила Елагина. После освобождения Вильно Красной армией он оказался на фронте и вскоре получил тяжелое ранение. Еще находясь в госпитале, Елагин был арестован и осужден на 10 лет. После возвращения из лагеря он был рукоположен, служил в Пскове, в 1967–1991 гг. занимал должность секретаря Новгородского епархиального управления⁴⁴. Несколько воспитанников Богословских курсов (Анатолий Малинин, Евгений Ефимов, Алексей Никоноров) в 1946 г. продолжили образование в только что открывшейся Ленинградской Духовной семинарии. Причем поначалу их зачисление оказалось под вопросом, ведь молодые люди не только жили на оккупированной

территории, но и учились в духовной школе, открытой при содействии немецких властей.

Некоторые студенты курсов (священники Александр Иванов и Сергей Каргай, Лев Кедров) в 1944 г. эвакуировались в Европу, затем в США⁴⁵. Первый ректор курсов протопресвитер Василий Виноградов в 1944 г. переехал в Вену, затем в Мюнхен. Начиная с 1951 г. служил настоятелем храма во имя архангела Михаила под Мюнхеном в юрисдикции РПЦЗ. Протопресвитер Василий оставался бессменным преподавателем в церковной школе, духовником прихода, несмотря на слепоту, при помощи секретаря готовил публикации, работал над воспоминаниями и вел интенсивную переписку.

На первый взгляд, главная задача виленских Богословских курсов — обеспечение Псковской миссии священнослужителями — не была выполнена. Первый выпуск состоялся лишь в конце апреля 1944 г., когда миссия прекратила свою деятельность — многие священники и миряне, да и вообще гражданское население были вывезены немцами на Запад, в Прибалтику и в Европу. Однако значение духовной школы в Вильно для православной Церкви в Прибалтике и на оккупированных территориях Северо-Запада России трудно переоценить. Само существование Богословских курсов в сложных условиях войны и оккупации стало одним из важнейших факторов возрождения церковной жизни, в первую очередь в оккупированных областях Северо-Запада СССР. Незаурядные преподаватели щедро делились с молодежью, воспитанниками курсов, своими знаниями. Из числа тех, кто учился в Вильно, вышел ряд замечательных пастырей, воспринявших и преумноживших духовное богатство, полученное от своих наставников и учителей. Среди них протоиереи Серафим Шенрок, Анатолий Малинин, Евгений Ефимов, Сергей Каргай, Иоанн Кондрашов, архимандрит Георгий (Парфенович). Служение этих священников и их труды на благо Церкви стали главным плодом деятельности Богословских курсов в Вильно в 1942–1944 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Обозный К. П.* Народное образование, Псковская миссия и церковная школа в условиях немецкой оккупации Северо-Запада России // *Вестник церковной истории.* 2006. № 4. С. 176–204.
- ² Латвийский государственный исторический архив (далее — ЛГИА), ф. 7469, оп. 2, д. 88, л. 240, 243.
- ³ *Шкаровский М. В.* Нацистская Германия и православная Церковь. М., 2002. С. 346, 347.
- ⁴ Г. И. Радецкий осенью 1941 г. служил псаломщиком в Псковской православной миссии, с января до марта 1942 г. учился в гимназии в Риге и одновременно являлся иподиаконом митрополита Сергия.
- ⁵ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 4, л. 836 об.
- ⁶ Там же, т. 2, л. 392.
- ⁷ Там же, л. 348.

- ⁸ Там же, л. 392.
- ⁹ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 20, л. 235.
- ¹⁰ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 292 об.
- ¹¹ Там же, л. 392 об.; т. 3, л. 627.
- ¹² Там же, л. 627.
- ¹³ Там же; Государственный архив Псковской области (далее — ГА ПО), ф. 1633, оп. 1, д. 12, л. 10; д. 13, л. 3.
- ¹⁴ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 3, л. 525.
- ¹⁵ Там же, т. 3, л. 627.
- ¹⁶ ГА ПО, ф. 1633, оп. 1, д. 17, л. 4.
- ¹⁷ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 197, л. 30.
- ¹⁸ *Голиков А., свящ.* Мартиролог православных священнослужителей и церковнослужителей Латвии, репрессированных в 1940–1955 гг.: Жизнеописания и материалы к ним // *Голиков А., свящ., Фомин С.* Кровью убежденные. Мученики и исповедники Северо-Запада России и Прибалтики (1940–1955). М., 1999. С. 25.
- ¹⁹ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 392 об.
- ²⁰ Василий Петрович Виноградов (23 марта 1885 г.— 24 октября 1968 г.), протопресвитер. В 1910–1919 гг. преподавал в Московской Духовной академии, с 1917 г. профессор кафедры пастырского богословия, автор многих ученых трудов, в частности, 2-томного сочинения «Пастырское богословие по православному учению». В 1918–1924 гг. Виноградов являлся членом и председателем Московского епархиального совета, оставаясь сотрудником свт. Тихона, Патриарха Московского и всея Руси. 3 февраля 1922 г. был рукоположен свт. Тихоном во иерея, в мае того же года арестован и до декабря находился в тюрьмах Москвы и Владимира. После 1925 г. несколько раз подвергался аресту, около 6 лет провел в заключении и в лагерях на Красной Вишере, в Архангельске, Перми, Владивостоке, на Колыме. Накануне Великой Отечественной войны служил в Калужской епархии (село Федоровское Угодско-Заводского района). Немецкая оккупация застала его в Можайске. Когда линия фронта в конце 1941 г. начала отодвигаться от Москвы на запад, о. Василий уехал в Вильно, где стал наместником Свято-Духова монастыря, а затем и ректором Богословских курсов.
- ²¹ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 392 об.
- ²² ГА ПО, ф. 1633, оп. 1, д. 14, л. 1–2.
- ²³ Устное свидетельство протоиерея Серафима Шенрока, сообщенное автору 5 ноября 2000 г. в Благовещенском храме Риги.
- ²⁴ ГА ПО, ф. 1633, оп. 1, д. 14, л. 4, 8.
- ²⁵ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 392 об.
- ²⁶ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 197, л. 25, 26.
- ²⁷ *Янсон И., прот.* Памяти экзарха митрополита Сергия // Православный христианин. 1944. № 5 (22). С. 103.
- ²⁸ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 22, л. 13.
- ²⁹ Там же, д. 395, л. 11.
- ³⁰ Архив УФСБ РФ по Псковской области, д. АА 10676, т. 2, л. 393.
- ³¹ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 197, л. 31.
- ³² ГА ПО, ф. 1633, оп. 1, д. 3, л. 18.
- ³³ Устное свидетельство протоиерея Серафима Шенрока.
- ³⁴ Иоанн (Гарклавс; 1898–1982 гг.), в 1943 г. хиротонисан во епископа Рижского, в сентябре 1944 г. уехал в Германию, в 1949 г.— в США.
- ³⁵ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 197, л. 28.

³⁶ Там же, л. 25.

³⁷ Там же, л. 12.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Русский вестник (Рига). 1944. 1 апреля, № 39(63).

⁴¹ ЛГИА, ф. 7469, оп. 1, д. 197, л. 8.

⁴² Русский вестник. 1944. 4 мая, № 52(76).

⁴³ Янсон И., *прот.* Указ. соч. С. 103.

⁴⁴ Фарафонов А. Любовь и верность Михаила Елагина // Вече (Псков). 1997. 17 января.

⁴⁵ Интересна судьба Л. Кедрова. На Богословские курсы он прибыл из села Рождественского Петроградского района, заручившись рекомендацией своего дяди протоиерея Петра Кудринского (члена Псковской миссии). В 1944 г. вместе с группой православных священников Прибалтийского экзархата уехал из Латвии. Находясь в Праге, он и протоиерей Петр Кудринский были задержаны и, как советские граждане, выданы представителям советской репатриационной комиссии. Кедрову удалось бежать. Некоторое время он скрывался в Братиславе, откуда перебрался в Германию в американскую зону оккупации, после чего уехал в США. В Америке Кедров был рукоположен во диакона и служил в Бостоне. Протоиерей П. Кудринский, попав на Родину, был осужден и отправлен в Сибирь (устное свидетельство протоиерея Сергия Гарклавса, сообщенное автору настоящей статьи 3 июля 2004 г. в Санкт-Петербурге).